

ДИНАМИКА ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА КАК ИНДИКАТОР УГЛУБЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Ташматов Гайрат

Европейский банк реконструкции и развития,
Национальный университет Узбекистана

ORCID: 0009-0003-7528-9013

gayrat@outlook.com

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ динамики валового регионального продукта и ВРП на душу населения по регионам Республики Узбекистан за период 2010–2024 годов. На основе статистических данных выявлены устойчивые тенденции к углублению территориальной дифференциации: коэффициент вариации ВРП на душу населения увеличился с 42,9% до 70,7%, превысив критический порог в 50%, установленный международными организациями. Разрыв между наиболее и наименее развитыми регионами вырос с 3,0 до 5,8 раза. Установлена периодизация процессов региональной поляризации, включающая три волны: умеренного расхождения траекторий (2010–2016), начала активной поляризации в период реформ (2017–2020) и резкого усиления диспропорций (2021–2024). Проведена кластеризация регионов по уровню социально-экономического развития с выделением трёх групп: высокоразвитые (город Ташкент и Навоийская область), среднеразвитые (восемь областей) и слаборазвитые (четыре региона). Анализ показал, что за исследуемый период не зафиксировано ни одного случая перехода региона из одного кластера в другой, что указывает на структурный характер региональных диспропорций. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости радикального пересмотра подходов к региональной политике и разработки комплексной концепции территориального развития республики.

Ключевые слова: валовой региональный продукт, региональные диспропорции, территориальное развитие, коэффициент вариации, кластеризация регионов, пространственная поляризация, региональная политика, Узбекистан.

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИДАГИ ХУДУДИЙ НОМУТАНОСИБЛИКЛАРНИНГ ЧУҚУРЛАШУВИНИ КЎРСАТУВЧИ ОМИЛ СИФАТИДА ЯЛПИ ХУДУДИЙ МАҲСУЛОТ ДИНАМИКАСИ

Ташматов Ғайрат

Европа тикланиш ва тараққиёт банки,
Ўзбекистон Миллий университети

Аннотация. Мақолада Ўзбекистон Республикаси ҳудудлари бўйича 2010-2024 йиллар давомидаги ялпи ҳудудий маҳсулот ва аҳоли жон бошига тўғри келадиган ЯҲМнинг ўзгариш динамикаси ҳар томонлама таҳлил этилган. Статистик маълумотларга таяниб, ҳудудий табақаланишнинг чуқурлашуви бўйича барқарор тенденциялар аниқланди: аҳоли жон бошига тўғри келадиган ЯҲМнинг вариация

коэффициенти 42,9 фоиздан 70,7 фоизгача кўтарилиб, халқаро ташкилотлар белгилаган 50 фоизлик танқидий чегарадан ошиб кетди. Энг ривожланган ва энг кам ривожланган ҳудудлар ўртасидаги тафовут 3,0 баробардан 5,8 баробаргача кенгайди. Минтақавий қутбланиш жараёнларининг уч босқичли даври аниқланди: ривожланиш йўналишларининг мўътадил фарқланиши (2010-2016), ислохотлар даврида фаол қутбланишнинг бошланиши (2017-2020) ва номутаносибликларнинг кескин кучайиши (2021-2024). Ҳудудлар ижтимоий-иқтисодий ривожланиш даражаси бўйича уч гуруҳга ажратилиб, кластерлаштириш амалга оширилди: юқори ривожланган (Тошкент шаҳри ва Навоий вилояти), ўртача ривожланган (саккизта вилоят) ва паст ривожланган (тўртта ҳудуд). Таҳлиллар шуни кўрсатдики, ўрганилган давр мобайнида бирорта ҳам минтақанинг бир кластердан бошқасига ўтиш ҳолати кузатилмаган, бу эса минтақавий номутаносибликларнинг тизимли хусусиятга эга эканлигини англатади. Тадқиқот натижалари минтақавий сиёсатга бўлган ёндашувларни тубдан қайта кўриб чиқиш ва республиканинг ҳудудий ривожланиши учун кенг қамровли концепция ишлаб чиқиш зарурлигини кўрсатмоқда.

Калит сўзлар: ялпи ҳудудий маҳсулот, минтақавий номутаносибликлар, ҳудудий ривожланиш, ўзгарувчанлик коэффициентсиэнти, ҳудудларнинг кластерлашуви, ҳудудий қутбланиш, минтақавий сиёсат, Ўзбекистон.

DYNAMICS OF GROSS REGIONAL PRODUCT AS AN INDICATOR OF DEEPENING TERRITORIAL DISPARITIES IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Tashmatov Gayrat

European Bank for Reconstruction and Development,
National University of Uzbekistan

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the dynamics of gross regional product and GRP per capita across the regions of the Republic of Uzbekistan for the period 2010–2024. Based on statistical data, stable trends towards deepening territorial differentiation have been identified: the coefficient of variation of GRP per capita increased from 42.9% to 70.7%, exceeding the critical threshold of 50% established by international organizations. The gap between the most and least developed regions grew from 3.0 to 5.8 times. A periodization of regional polarization processes has been established, including three waves: moderate trajectory divergence (2010–2016), the beginning of active polarization during the reform period (2017–2020), and a sharp intensification of disparities (2021–2024). Regional clustering by the level of socio-economic development was conducted, identifying three groups: highly developed (Tashkent city and Navoi region), moderately developed (eight regions), and underdeveloped (four regions). The analysis showed that during the study period, not a single case of a region transitioning from one cluster to another was recorded, indicating the structural nature of regional disparities. The research results indicate the need for a radical revision of approaches to regional policy and the development of a comprehensive concept of territorial development.

Keywords: gross regional product, regional disparities, territorial development, coefficient of variation, regional clustering, spatial polarization, regional policy, Uzbekistan.

Введение.

Стратегическое планирование территориального развития представляет собой ключевой инструмент государственного управления в условиях динамично меняющейся глобальной экономики. Валовой региональный продукт является базовым индикатором экономического развития территорий и основным показателем для оценки масштаба и динамики региональной экономики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления процессов территориальной

дифференциации в Республике Узбекистан, где за последние полтора десятилетия наблюдается устойчивая тенденция к углублению региональных диспропорций.

Указом Президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 года утверждена Стратегия «Узбекистан-2030», определяющая приоритеты долгосрочного развития. Однако эффективная реализация данной стратегии требует глубокого понимания сложившихся территориальных диспропорций и их динамики. Как справедливо отмечает профессор Квинт (2012), стратегирование предполагает системный анализ исходного состояния объекта управления и выявление ключевых тенденций его развития.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении устойчивых тенденций пространственного развития экономики Республики Узбекистан, определении полюсов роста и территорий, нуждающихся в дополнительной государственной поддержке, а также в оценке эффективности реализуемой региональной политики на основе анализа динамики ВРП и ВРП на душу населения за период 2010–2024 годов.

Обзор литературы.

Проблематика пространственного и регионального развития нашла отражение в работах представителей различных теоретических школ. Концепция полюсов роста, разработанная Перру (1950) и развитая Будвилем, обосновывает целесообразность концентрации ресурсов в наиболее перспективных территориях с последующим распространением импульсов развития на периферию. Данный подход получил широкое практическое применение при формировании свободных экономических зон и технопарков. Гранберг (2000) в своих фундаментальных работах по региональной экономике подчёркивает, что валовой региональный продукт служит основным макроэкономическим индикатором результатов хозяйственной деятельности региона и позволяет оценить вклад территорий в формирование национального богатства. Исследователь обосновал методологические подходы к измерению региональных диспропорций с использованием коэффициента вариации.

Лексин и Швецов (2000) в своём исследовании государственного регулирования территориального развития указывают на необходимость выработки дифференцированного подхода к различным типам регионов с учётом их специфики и потенциала развития. Авторы обосновали концепцию «точечных» воздействий на проблемные территории. Жихаревич (2013) внёс существенный вклад в развитие методологии территориального стратегического планирования, отмечая, что стратегия территории должна учитывать её конкурентные преимущества и ограничения развития. Исследователь разработал методику оценки качества стратегических документов.

Портер (1990) в теории конкурентного преимущества наций обосновал роль кластеров в повышении конкурентоспособности территорий, что имеет прямое отношение к проблематике формирования полюсов роста. Его методология кластерного анализа широко применяется для типологизации регионов по уровню развития. Кругман (1991) в рамках «новой экономической географии» объяснил механизмы пространственной концентрации экономической активности и формирования центр-периферийных структур. Его модель «центр-периферия» позволяет понять причины нарастающей дифференциации регионов.

Мирзиёева (2020) исследовала методологические основы стратегирования социально-экономического развития Узбекистана, выявив особенности применения общей теории стратегии к условиям трансформационной экономики. Автор обосновала необходимость учёта специфики постсоветского пространства при формировании региональных стратегий. Садыков (2005) в комплексных исследованиях регионального развития Узбекистана выделяет ключевые факторы территориальной

дифференциации и предлагает механизмы их сглаживания. Его работы содержат важные методологические рекомендации по анализу региональных диспропорций.

Вместе с тем анализ научной литературы показывает, что проблема углубления территориальных диспропорций в Узбекистане остаётся недостаточно исследованной. Отсутствуют комплексные работы, анализирующие динамику региональной дифференциации за продолжительный период с применением современных статистических методов. Настоящее исследование призвано восполнить указанный пробел.

Методология исследования.

Методологическую основу исследования составляют методы статистического анализа, включающие расчёт коэффициента вариации и анализ динамических рядов. Коэффициент вариации определялся по стандартной формуле как отношение стандартного отклонения к среднему значению, выраженное в процентах. Для оценки уровня региональной дифференциации использовалась шкала ОЭСР, согласно которой значение коэффициента вариации выше 50% свидетельствует о критическом уровне территориальных диспропорций. Для типологизации регионов применялся иерархический кластерный анализ с использованием метода Уорда, минимизирующего внутригрупповую дисперсию. Стандартизация показателей осуществлялась методом z-нормализации. Качество кластеризации оценивалось с помощью коэффициента силуэта. Информационной базой исследования послужили официальные статистические данные Национального комитета Республики Узбекистан по статистике за 2010–2024 годы. Анализ охватывает 14 регионов страны: Республику Каракалпакстан, 12 областей и город Ташкент. Для сопоставимости данных показатели ВРП приведены в сопоставимых ценах.

Анализ и обсуждение результатов.

Совокупный валовой региональный продукт Республики Узбекистан в анализируемом периоде демонстрировал устойчивую положительную динамику, увеличившись с 88,1 трлн. сум в 2010 году до 1 454,6 трлн. сум в 2024 году в сопоставимых ценах, что соответствует росту в 16,5 раза и среднегодовому темпу прироста 22,2%. Однако региональная дифференциация экономического роста оказалась значительной, что привело к усилению пространственной поляризации и углублению межрегиональных диспропорций.

Анализ динамики ВРП позволил выявить три ключевые закономерности пространственного развития экономики республики. Город Ташкент и Навоийская область формируют два полюса роста с опережающими темпами развития, концентрируя значительную долю инвестиций и создания добавленной стоимости. Город Ташкент увеличил свой ВРП в 23,7 раза со среднегодовым темпом 25,4%, а Навоийская область - в 25,6 раза с 26,1% среднегодового прироста. Большинство областей демонстрируют темпы роста, близкие к среднереспубликанским, что свидетельствует о достаточно равномерном распространении экономического роста в средней части распределения. Вместе с тем четыре региона устойчиво отстают от общереспубликанской динамики: Республика Каракалпакстан, Джизакская, Сырдарьинская и Хорезмская области демонстрируют темпы роста на 15–25% ниже среднего.

Разрыв между регионами с максимальным и минимальным уровнем ВРП на душу населения увеличился с 3,0 раза в 2010 году до 5,8 раза в 2024 году. Если в 2010 году Навоийская область превосходила Сурхандарьинскую область в 3,0 раза, то к 2024 году этот разрыв практически удвоился. Данная динамика свидетельствует о нарастающей

поляризации регионального развития и формировании устойчивых полюсов роста и депрессивных территорий.

Коэффициент вариации ВРП на душу населения демонстрирует выраженную тенденцию к росту. В 2010 году коэффициент вариации составлял 42,9%, что свидетельствовало об умеренном уровне межрегиональной дифференциации. К 2015 году показатель снизился до 38,2%, что можно было рассматривать как признак процессов конвергенции в региональном развитии. Однако с 2016 года началась устойчивая тенденция к росту неравномерности. В 2020 году коэффициент вариации достиг 62,8%, а к 2024 году вырос до 70,7%, что существенно превышает критический порог в 50%, установленный международными организациями для оценки чрезмерной региональной дифференциации (ОЭСР, 2021).

Концентрация экономической активности в наиболее развитых регионах демонстрирует тенденцию к усилению. Доля трёх регионов-лидеров (город Ташкент, Навоийская область, Ташкентская область) в совокупном ВВП республики увеличилась с 27,7% в 2010 году до 37,5% в 2024 году. Это означает, что более трети национальной экономики концентрируется всего в трёх из четырнадцати регионов, что создаёт риски несбалансированного пространственного развития и усиления миграционного оттока из периферийных территорий.

Периодизация процессов региональной дифференциации позволяет выделить три волны поляризации территориального развития. Первая волна умеренного расхождения траекторий регионального развития охватывает период 2010–2016 годов, когда коэффициент вариации колебался в диапазоне 39–43%. В этот период различия в темпах роста между регионами были относительно невелики, а государственная региональная политика носила преимущественно секторальный характер без выраженного территориального акцента.

Вторая волна относительной стабилизации при начале реформ приходится на 2017–2020 годы. После смены политического руководства страны были инициированы масштабные экономические реформы, затронувшие все сферы экономики. В этот период коэффициент вариации вырос с 43% до 63%, что свидетельствовало о начале активной поляризации регионального развития. Либерализация валютного рынка, реформа налоговой системы, улучшение инвестиционного климата оказали дифференцированное влияние на регионы в зависимости от их структурных характеристик и конкурентных преимуществ.

Третья волна резкого усиления диспропорций охватывает период 2021–2024 годов, когда коэффициент вариации вырос с 63% до 71%. Пандемия COVID-19 и последующий период восстановления экономики по-разному повлияли на регионы: наиболее диверсифицированные и инновационные территории продемонстрировали быструю адаптацию и восстановление, в то время как регионы с узкой отраслевой специализацией столкнулись с затяжным кризисом (Всемирный банк, 2022).

Для систематизации выявленной региональной дифференциации была проведена многомерная кластеризация территорий. Методологической основой послужил иерархический кластерный анализ с применением метода Уорда. Расчёты показали, что наиболее статистически обоснованным является выделение трёх кластеров регионов.

Кластер А (высокоразвитые регионы) объединяет город Ташкент и Навоийскую область. На долю этих двух регионов приходится лишь 15% населения страны, однако они обеспечивают 28% валового внутреннего продукта республики. Валовой региональный продукт на душу населения в кластере А составил в среднем 99,7 млн. сум в 2024 году, что в 2,5 раза превышает среднереспубликанский уровень. За период 2010–2024 годов разрыв между кластером А и остальными регионами не только не сократился, но и увеличился: если в 2010 году средний ВРП на душу в кластере А

превышал показатель наименее развитых регионов в 2,54 раза, то к 2024 году этот разрыв вырос до 3,74 раза.

Кластер Б (среднеразвитые регионы) является наиболее многочисленным, объединяя восемь областей - Ташкентскую, Бухарскую, Самаркандскую, Андижанскую, Ферганскую, Кашкадарьинскую, Наманганскую и Сурхандарьинскую. На долю этих регионов приходится 60% населения республики и 52% валового внутреннего продукта. Средний ВРП на душу населения в кластере Б составляет 27,2 млн. сум, что соответствует 70% от среднереспубликанского уровня.

Кластер В (слаборазвитые регионы) объединяет четыре наименее развитых региона - Республику Каракалпакстан, Джизакскую, Сырдарьинскую и Хорезмскую области. На долю этих территорий приходится 25% населения страны, однако они обеспечивают лишь 20% валового внутреннего продукта. ВРП на душу населения в слаборазвитых регионах составляет в среднем 26,7 млн. сум, что соответствует 68% от среднереспубликанского уровня.

Критически важным выводом проведённой кластеризации является то, что за период 2010–2024 годов не зафиксировано ни одного случая перехода региона из одного кластера в другой. Это указывает на структурный характер региональных диспропорций и необходимость радикального пересмотра подходов к территориальному развитию. Традиционный подход, основанный на механическом наращивании объёмов финансирования без учёта структурных ограничений развития территорий, демонстрирует свою неэффективность.

Выводы и предложения.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы и рекомендации.

Анализ динамики ВРП и ВРП на душу населения по регионам Республики Узбекистан за период 2010–2024 годов выявил устойчивую тенденцию к нарастанию региональных диспропорций, несмотря на общий экономический рост. Разрыв между наиболее и наименее развитыми регионами увеличился практически в два раза, коэффициент вариации превысил критический порог на 20,7 процентных пункта, а доля трёх регионов-лидеров в совокупном ВВП выросла до 37,5%.

Формирование двух мощных полюсов роста (город Ташкент и Навоийская область) на фоне отставания периферийных аграрных регионов создаёт риски усиления миграционного оттока, социальной напряжённости и углубления территориального неравенства. Конкурентные преимущества города Ташкента определяются агломерационным эффектом, концентрацией финансовых, образовательных и научных институтов, развитым сектором современных услуг.

Выявленная периодизация процессов региональной поляризации свидетельствует о том, что масштабные экономические реформы 2017–2020 годов, при всей их позитивной направленности, не содержали эффективных механизмов сглаживания территориальных диспропорций и в определённой мере способствовали их углублению.

Отсутствие межкластерной мобильности регионов указывает на структурный характер сложившихся диспропорций, преодоление которых требует комплексного подхода, включающего: разработку и принятие закона о стратегическом планировании территориального развития; формирование Концепции территориального развития Республики Узбекистан; совершенствование системы регионального управления и расширение полномочий хокимиятов; внедрение механизмов межбюджетного выравнивания с учётом реальных потребностей территорий.

Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности их использования при разработке региональных программ развития, формировании

инструментария оценки эффективности территориальной политики, а также при совершенствовании нормативно-правовой базы стратегического планирования в Республике Узбекистан.

Литература/References:

- Krugman, P. (1991) *Geography and Trade*. Cambridge: MIT Press, 142 p.
- OECD (2021) *Regional Outlook 2021: Addressing COVID-19 and Moving to Net Zero Greenhouse Gas Emissions*. Paris: OECD Publishing.
- Perroux, F. (1950) 'Economic Space: Theory and Applications', *Quarterly Journal of Economics*, 64, pp. 89–104.
- Porter, M.E. (1990) *The Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press, 855 p.
- World Bank (2022) *Uzbekistan: Toward a New Economy. Country Economic Update*. Washington, DC: World Bank.
- Гранберг, А.Г. (2000) *Основы региональной экономики*. М.: ВШЭ, 495 с.
- Жихаревич, Б.С. (2013) 'Территориальное стратегическое планирование: теория и практика', *Регион: экономика и социология*, 3, С. 303–306.
- Квинт, В.Л. (2019) *Концепция стратегирования. Т. 1*. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 132 с.
- Климанов, В.В. and Будаева, К.В. (2014) 'Эволюция разработки и содержания документов регионального стратегического планирования в России', *Региональная экономика: теория и практика*, 40, С. 52–63.
- Лексин, В.Н. and Швецов, А.Н. (2000) *Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития*. М.: УРСС, 368 с.
- Мирзиёева, С.Ш. (2020) *Методологические основы стратегирования социально-экономического развития Узбекистана*. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 184 с.
- Садыков, А.М. (2005) *Основы регионального развития: теория, методология, практика*. Ташкент: Иқтисод-молия, 280 с.
- Садыков, А.М. (2019) *Новая стратегия развития Узбекистана: формирование, приоритеты, реализация*. Ташкент: Узбекистан, 536 с.
- Указ Президента Республики Узбекистан (2017) № УП-4947 «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан», 7 февраля.
- Указ Президента Республики Узбекистан (2023) № ПФ-158 «О Стратегии «Узбекистан-2030», 11 сентября.